

Накануне своего юбилея Галина Павловна была страшно занята — прослушивала молодых певцов на конкурсе плюс обычные заботы ее Центра оперного пения. Сразу после празднеств отправилась в Париж, затем снова Москва, и вот она уже в Санкт-Петербурге, озвучивает фильм Сокурова «Александра». Кстати, в Питере, похоже, проходит второй круг юбилейных торжеств. 27 ноября примадонна получила орден «За заслуги перед Отечеством» II степени, отчего-то не врученный в октябре. А накануне Вишневская и Ростропович представили публике свою наконец-то воплощенную мечту: Музей Дмитрия Шостаковича. Им певица занималась лично — сама составляла интерьеры, развешивала картины. Мы встретились за неделю до открытия музея.

Галина Вишневская:

Оттаяла я после свадьбы со Славой

Солистка Ленинградского театра оперетты. 1945 год

С дочерьми Олей и Леной. Начало 1960-х

После отъезда из СССР

«Бесплатно ничего не получала»

— Напряженный у вас график. Многие и в 40 лет такой нагрузки не выдерживают. Устали?

— Нормально. Я вообще о возрасте не думаю, а когда напоминают — воображаю себе эту цифру (80) и смеюсь: не может быть! Просто не верится, что жизнь так быстро пролетела.

— Почему Музей Шостаковича делаете в Петербурге? Ведь он умер в Москве, долго жил на даче с вами по соседству в Жуковке?

— Это самое важное место в его жизни — дом его родителей. Здесь прошли детство и юность Дмитрия Дмитриевича, его становление. И женитьба, и создание оперы «Леда Макбет Мценского уезда» — все в этих стенах. Здесь его начали травить якобы за формализм.

— Его семья участвовала в создании музея?

— Сын Максим подарил письменный стол Дмитрия Дмитриевича. У его родственников мы купили мебель... Мы с Ростроповичем считаем, что должны это сделать. И делаем. Там была большая коммуналка, мы ее расселили.

— И кажется, до сих пор идут конфликты с соседями...

— Под музеем — квартирой живет какой-то странный человек. Он говорит, что у него лопнул карниз и образовалась трещина, якобы потому что мы облегчили потолок. Мы предлагали заделать трещину, но он хочет денег. А мы не даем.

— Раньше у вас была квартира в Москве и дача в Жуковке, которую вы обустроили, как любимое гнездо. Теперь у вас не меньше десяти поместий, домов и квартир в разных уголках земли. Какой из них самый главный дом?

— Я родилась в Ленинграде. Но, к сожалению, мы сейчас редко бываем здесь. Центр оперного пения в Москве отнимает все время и забирает много сил.

— А почему купили именно этот дом?

— Просто понравилось место: тихо, Нева за окном... Этот дом построила для себя одна женщина в XVIII веке. Она ничем не была знаменита.

— Еще одним вашим соседом по Жуковке был академик Сахаров...

— Его дачу снесли. Вдова продала кому-то. К сожалению, мы этого не знали. Мы бы купили и сделали там музей.

— У вас не отняли дачу после отъезда за границу в 1974 году?

— Не успели. Когда нас лишили гражданства, появилась целая очередь из желающих за получить нашу квартиру. Но у них ничего не вышло. У нас же дом кооперативный. И дачу купили сами. Мне от советской власти ничего бесплатно не досталось. Даже образования.

— Как же вы научились не только читать ноты, но и профессионально разбираться во всех музыкальных тонкостях?

— Сама. Читала, училась. А консерваторию окончила экстерном, уже будучи народной артисткой СССР, солисткой Большого театра.

— Центр оперного пения, как я поняла, — ваша воплощенная мечта. Вы давно говорили, что консерваторские пять лет — многовато. Достаточно двух.

— Теперь думаю, что не совсем достаточно. Посмотрим.

— Для меня главное — отдать то, что я получила. Человек должен передать свое мастерство и знания следующему, не тащить за собой в землю.

— Кажется, что-то получается: нас приглашают, на наши спектакли приходят импресарио из разных стран, городов. Специально трудоустройство своих выпускников не занимаюсь. Считаю, что они заслуженно получают свои контракты, поют партии в Большом...

— А теперь отказались проводить свой юбилей на новой сцене Большого... Это не создаст вашим ученикам проблем?

— Может быть, и создаст. Ничего, есть еще места, где мои ученики смогут попробовать. Но покупать творческое благополучие таким образом — я никогда этого не делала и не буду. Считаю абсолютно нормальным высказать свою точку зрения. На то я и народная артистка Советского Союза и 60 лет в искусстве. Это моя обязанность.

— Несколько лет назад я высказала свое мнение, когда они «Турандот» ставили. Было непонятно, почему надо брать итальянку с некрасивым тембром голоса. У нас в провинции есть певицы гораздо лучше. А сейчас я просто написала г-ну Иксанову письмо, что вынуждена отказаться от любезно предоставленной мне возможности праздновать юбилей в Большом театре, потому что после спектакля «Евгений Онегин», который я

увидела, поняла, что к этому театру не имею отношения. Никакого личного конфликта.

«Моя фамилия становится все более чужой»

— Вишневской вы стали, выйдя замуж за человека, с кем прожили всего два месяца. Потом был другой муж, и наконец, вы встретили Ростроповича, с которым сыграли уже золотую свадьбу. Почему вы оставили себе фамилию человека, который так мало значил в вашей жизни?

— Красивая фамилия, а я уже на сцене была — поступила в театр. Так и осталась Вишневской. Вышла замуж за театр. Но знаете, чем дальше, тем больше чужой мне становится эта фамилия.

Потому в стране и есть было нечего, что Брежнев занимался тем, как нам насолить.

— Вас трудно представить не Вишневской, а скажем, Ивановой (девичья фамилия Галины Павловны. — Авт.). Многие ваши родственники умерли во время блокады, но кто-то остался жив. Вы с ними поддерживаете отношения?

— Когда я вернулась в 90-е годы, еще были живы мой двоюродный брат и тетя Катя, которая похоронила двух сыновей в войну, а со старшим по Дороге жизни ей удалось эвакуироваться в Ташкент. Недавно похоронила своего брата — сына моей матери. Конечно, я им помогаю.

— Еще была жива дочь моей матери от другого отца, с ней я отношения не поддерживала. Как ни странно, с моей семьей я оказалась в итоге практически не связана. Значит, такая была семья — если шести недель от роду меня подбросили бабке. Наверное, мое отношение к семье и выросло из того, что я никогда этого не забывала. Теперь понимаю, что из-за своих родителей была очень жестким человеком. Оттаивать начала, только когда вышла замуж за Славу и родила Ольгу. А вот бабушку до сих пор вспоминаю с любовью, каждый день.

— Кажется, когда умерла ваша

мама, вам было 22, а ее дочке — 4 года... Вы ей помогли?

— Нет, у нее были другие родственники. С детьми моих родителей вообще очень интересная история. Дочь моей матери, Надя, появилась в моей жизни позже. Но как появилась! Она не ко мне пришла, а написала в «Комсомольскую правду», что я должна ее содержать.

— У вас странные родственники. То папаша появляется в канцелярии Большого театра и пишет на вас донос, что вы скрыли его осуждение по политической статье, то сводная сестра...

— Да. А потом появилась другая сестрица (дочь отца), которую я никогда в жизни не видела. Эта пришла ко мне, просила денег. Я ей их дала, она исчезла.

— В вашей судьбе много мисти-

ческого. Вы как минимум четыре раза были на пороге смерти, несколько раз — на грани потери голоса... И в последнее мгновение всегда что-то вас спасало. Но вы рассказывали, как в Италии к вам приходила смерть и вы попросили у нее еще 30 лет. Вам потом не было страшно?

— Тогда мне было 37, и еще 30 лет мне казались бесконечностью. А потом вдруг смотрю — год прошел. Надо же! И чем дальше, тем время летело быстрее. Потом... Слава Богу, ничего не случилось. И я забыла.

— Вы, всегда такая решительная, отговаривали Ростроповича писать письмо в защиту Солженицына. Почему? Ведь писатель жил у вас на даче, и в этом смысле ваш муж не мог промолчать...

— Я была не против письма, а против того, чтобы быть тайно удушенной. Если бы мне сказали, что его напечатает, первая бы подписала письмо. Публикация казни меня устраивала больше. А так я ему пыталась объяснить, что будет. Собственно, это потом и произошло. Ростроповичу сняли все зарубежные гастроли, не давали выступать в Москве и других столицах... Его сест-

ра — музыкант — тоже стала невыносимой. Ее вызывали в КГБ и требовали, чтобы она сменила фамилию. А что творилось, когда мы уехали! Мне сейчас принес — автографы Брежнева, Андропова... Их приказы, что делать с нами за границей. Например, мы писали в Париже «Пиковую даму», с нами должен был петь болгарский хор. За неделю до записи получаем телеграмму: выехать не могут. А это, оказывается, Брежнев (у меня теперь есть его письмо): надо дать знать болгарским товарищам, чтобы не ехали.

Детский вопрос

— Снимаясь у Сокурова в «Александр», вы месяц провели в Чечне...

— Я жила в военном лагере, где мне дали маленькую комнату с лучшим и даже кондиционером. Сами они живут в ужасных условиях. Так, офицеров селят по 6 человек в 18-метровой комнате. Можете себе представить?! Меня сопровождал охранник, капитан. «Сколько же вы так живете?» — спрашиваю. «Уже три года», — отвечает.

— Скоро Новый год. Будете встречать всей семьей?

— Все мы редко собираемся. Вот на юбилей у меня все собрались. Только не было Ростроповича, который внезапно заболел. Старшая дочь Ольга живет в Америке. У нее двое детей. Младшая, Елена, живет в Париже, а ее дети учатся в Германии и в Швейцарии. Если собираемся семьей на Новый год, как правило, это происходит в Париже. Обычный семейный ужин. Дети, естественно, ждут подарков. Это очень приятно — дарить.

— Что сейчас делает Мстислав Леопольдович?

— Вчера у него был концерт в Люксембурге. Сегодня к вечеру он должен быть дома, в Париже. Хотя, мне кажется, ему бы еще надо отдохнуть: у него осложнение после операции. Но сейчас уже лучше, и он играет концерты, не может иначе.

— Вы в чудесной форме. Есть какой-то секрет?

— Никаких расстройств, это не для меня. Спорт не занимаюсь — ленива. Диеты не соблюдаю — не могу. А вот есть стараюсь поменьше. Например, сегодня утром съела кусок хлеба с маслом, выпила кофе. Потом поехала на квартиру Шостаковича развешивать фотографии. Вернулась — съела тарелку кислых щей, которые сварила домработница. Они целый день томились у нее на плите. И еще на ночь съем щи с черным хлебом, больше ничего.

— Хотелось бы повернуть время вспять и что-то изменить в жизни?

— Нет, ни о чем не жалею.

— У вас тоже было двое, и вы занимались искусством.

— Но это очень сложно. За границей, чтобы быть наверху, надо очень много работать. Моим дочерям на это, видимо, не хватило ни терпения, ни желания.

— Вам удалось сохранить контакт с детьми? Вы все время либо работали, либо были на гастролях, а с ними сидели няни, неизбежно прививая им черты своего характера, свои привычки, которые могут идти вразрез с вашими представлениями...

— А разве есть выбор? Мне удалось избежать беды: контакт не потерялся, мне кажется, репет тут один: любите своих детей — и любви. И будь с ними матерью, когда можешь. Если есть свободная минутка — уделите ее детям.

— Хотя старшая дочь Ольга до сих пор меня иногда упрекает, что я ее оставляла одну. У нее ревность к младшей сестре — якобы я Лену больше любила. Я ей объясняю: ты пойми, все было для тебя. Ленка сама росла, как трава. Тебя с ложки кормили, а она сама сидит ест. Хотя ей — гол, а тебе — три.

— Скоро Новый год. Будете встречать всей семьей?

— Все мы редко собираемся. Вот на юбилей у меня все собрались. Только не было Ростроповича, который внезапно заболел. Старшая дочь Ольга живет в Америке. У нее двое детей. Младшая, Елена, живет в Париже, а ее дети учатся в Германии и в Швейцарии. Если собираемся семьей на Новый год, как правило, это происходит в Париже. Обычный семейный ужин. Дети, естественно, ждут подарков. Это очень приятно — дарить.

— Что сейчас делает Мстислав Леопольдович?

— Вчера у него был концерт в Люксембурге. Сегодня к вечеру он должен быть дома, в Париже. Хотя, мне кажется, ему бы еще надо отдохнуть: у него осложнение после операции. Но сейчас уже лучше, и он играет концерты, не может иначе.

— Вы в чудесной форме. Есть какой-то секрет?

— Никаких расстройств, это не для меня. Спорт не занимаюсь — ленива. Диеты не соблюдаю — не могу. А вот есть стараюсь поменьше. Например, сегодня утром съела кусок хлеба с маслом, выпила кофе. Потом поехала на квартиру Шостаковича развешивать фотографии. Вернулась — съела тарелку кислых щей, которые сварила домработница. Они целый день томились у нее на плите. И еще на ночь съем щи с черным хлебом, больше ничего.

— Хотелось бы повернуть время вспять и что-то изменить в жизни?

— Нет, ни о чем не жалею.

■ Елена Скорцова.